

Как формировался Городской сад?*

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", недавно отметило 10-летие своей плодотворной деятельности на отечественном рынке недвижимости. От всей души поздравляем с юбилеем его замечательных руководителей – Викторию Михайловну Старову и Валентина Константиновича Лобанова. По этому поводу и не без намека подверстываем "юбилейный материал", посвященный Городскому саду.

Как было сказано, слева при входе в сад со стороны Преображенской находился квадратный в плане дом князя Павла Ивановича Гагарина, занимавший участки №№ 704-705. Этот аристократ был не только заядлым театралом и актером-любителем, но и начинающим предпринимателем в сфере шоу-бизнеса. Городскому саду явно недоставало подмостков, а потому князь и обустроил на принадлежащей ему территории театр. В оценочной ведомости городской недвижимости 1848 года значится: "Театр князя Павла Гагарина — 6570 руб.". Строение, несмотря на значительную площадь, было довольно скромным, хотя и с архитектурными достоинствами. В Государственном архиве Одесской области сохранились чертежи этого одноэтажного дома (фонд 895, опись 1, дело 413; фонд 59, опись 1, дело 2445), спроектированного архитектором И.Б. Скудиери (1845). Задолго до того, в 1834 году, Скудиери спроектировал для князя и его супруги Людмилы на том же месте значительно более представительный трехэтажный дом, чертежи которого сохранились (ГАОО, фонд 895, опись 1, дело 403), однако обстоятельства не позволили воплотить замысел в жизнь.

Сохранился также план этого участка, составленный Г. И. Торичелли в 1840 году. Здесь зафиксированы примыкающие к городскому саду и казенным постройкам участки, принадлежавшие Гагарину (№№ 704, 705, 706) и австрийскому консулу фон Тому (ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2445).

В 1849 году "недостроенный театр" приобрел выдающийся одесский коммерсант и меценат немецкого происхождения Вильям Вагнер. Исполненный Ф.К. Боффо проект масштабного трехэтажного дома датируется

* Окончание. Начало в кн. 27.

30 декабря 1849 года (ГАОО, фонд 895, опись 1, дело 250; описание было в утраченном деле № 3027, фонд 59, опись 1). Вместо театра Вагнер разместил тут превосходную "Европейскую" гостиницу (в 1899-1902 годах на месте гостиницы возведен один из корпусов Императорского Новороссийского университета, ныне Научная библиотека Одесского национального университета — ул. Преображенская, № 24), о которой стоило бы рассказать отдельно, но в данный момент нас будет интересовать другое — то, что имеет непосредственное отношение к Городскому саду, а именно находившийся при этой гостинице знаменитый ресторан купца Алексеева. Дело в том, что он примыкал к отелю как раз со стороны сада, и много лет не знал себе равных в элитарном центре, и вообще весьма высоко котировался в Одессе. Здесь еще надо, вероятно, уточнить, что предшественником этого ресторана была располагавшаяся в саду "городская кофейня", о которой упоминает историк А.И. Третьяк, вероятно, имея в виду заведение Германа Келя.

Что до Афанасия Федотовича Алексеева — это поистине выдающаяся фигура в сфере одесского ресторанного бизнеса и общественных увеселений. К нему уважительно относились многие известные одесситы и приезжие, именуя Федотыча "одесским Излером" (И. Излер — успешный устроитель общественных гуляний в Санкт-Петербурге и его окрестностях). Впрочем, и критиковали его по разным поводам изрядно. Вместе с супругой Агафьей Степановной и сыном Семеном Афанасьевичем они содержали в разные годы целую серию ресторанов, трактиров, харчевен, элитарных кафе и буфетов на даче Лидерса и проч. Ресторация Алексеева примкнула к гостинице Вильяма Вагнера "Европа" со стороны Городского сада в 1850 году (небольшое здание, в котором помещался кафе-ресторан, различимо на гравюре 1869 года), и стала популярной еще перед Крымской войной. "...Здесь не прогуливаются, — сообщает газетный репортер-завсегдатай, — здесь вы видите множество столов и столиков, освещенных свечами, обезопасенными от ветра высокими прозрачного стекла вазочками, а за столами кружки дам и мужчин, прохладжающихся мороженым, пьющих чай или ужинающих". Речь, конечно, идет о летней веранде ресторана.

Федотыч умел потрафить почтенной публике — как бомонду, так и простонародью. Скажем, его чайный трактир в доме Маюрова на Греческом базаре одно время был подлинным дискуссионным клубом. Вот что пишет о нем известный одесский юрист Яков Псарев в годы Крымской кампании: "Трактир Алексеева (в доме Маюрова), где подслушаны описываемые ниже русские толки о политике, разумеется, современной и военной,

можно назвать сборищем простонародья. Тут все умно и ловко устроено, все дешево и мило; но главное — все приправлено приветливостью хозяина, — магнит, который для доброго русского сердца дороже денег. Оттого-то вы найдете здесь и кафтан, и ум, и сердце — всё нараспашку. Притом превосходная машина-орган почти у самого уха гудит (...). Чего же больше? Наслаждение полное". Особый, видно, талант общения был у Афанасия Федотыча.

Когда во второй половине 1850-х Вагнер променял свой гостиничный дом на комплекс строений Ришельевского лицея (описанные выше участки, принадлежавшие когда-то Андрею и Феликсу де Рибасам), ресторация Алексеева осталась на прежнем месте, при лицейском здании, гостиницу в котором некоторое время содержали другие лица — Мартен, Власов, — но затем, с 1863-го по 1868-й, снова Алексеев. Кроме того, он открыл и другую "Европу" — в бывшем доме княгини Репниной, бывшем Бальша, на Садовой улице близ нынешнего Главпочтамта, а ресторан в Городском саду в это время стал содержать Семен Афанасьевич. В начале 1860-х за Алексеевыми числятся в 1-й части: три шикарных кафе-ресторана и три обычных ресторана. При этом они уплачивали акциза: 150, 210 и 250 рублей плюс 55 рублей "за питания" по кафе-ресторанам и втрое, вчетверо меньше за небольшие ресторанчики. Примечательно, что если другие рестораторы изошрялись в заманивании клиентуры, изобретали рекламные трюки и особенно изошрялись в тиражировании рекламных плакатов и афиш, Алексеевы вообще редко прибегали к рекламе, жили по старинке, по принципу "из уст в уста". Наблюдая яркие афиши "конкурирующих фирм", местная газета резюмирует: "Между тем г-н Алексеев красноречив молчанием (...)". В первом одесском путеводителе, изданном в 1867 году параллельно на русском и французском языках, Городской сад впервые упоминается как местная достопримечательность.

Но вернемся к сюжету о преобразении выстроенного Х. Фендерих салона сельскохозяйственных орудий и прилегающей территории Казенного сада в городок развлечений. Как было сказано, 1 апреля 1868 года строение было сдано Императорским обществом сельского хозяйства Южной Росси в аренду. Кому? Разумеется, Алексееву! В местной газете его уважительно величают "почтенным ветераном-ресторатором". И при этом он не отказался и от прежнего заведения, соседнего кафе-ресторана при бывшем доме Вагнера. Однако новое заведение планировалось им как совершенно иное — такое, какие обыкновенно устраивались на фешенебельных приморских дачах в летний сезон.

Он устроил отдельно ресторацию, чайный трактир и пивную залу

(биргалле, бирхолл). На примыкающем участке были оборудованы: карусель, тир и два бильярда. Кроме того, Алексеев пригласил один из лучших в городе оркестров под управлением Розетти в составе десяти музыкантов, да еще держал и другой оркестр, в прежнем кафе-ресторане. Этот оазис развлечений в Городском саду презентовали 24 мая 1868 года. Хотя "одесского Излера" поругивали, но посетители имели возможность приходить сюда с собаками. Тем же летом Алексеев открыл кафе-ресторан в доме Ведде, на Дерибасовской, против Городского сада, и увеселительное заведение на даче Лидерса, в котором выступал "хор арфянок", то есть исполнительниц на тирольской цитре, состоящий из семи особ. В ансамбль "арфянок" обычно входили также скрипачки и флейтистки, а если выступление организовывалось в закрытых помещениях, то и пианистки. Все музыкантши были и профессиональными вокалистками, причем репертуар включал народные песни, романсы, арии на русском, польском, немецком, французском, итальянском и других языках. В дальнейшем у Алексеева выступал подобный же мужской коллектив, именовавшийся "Обществом тирольских немцев" и "Обществом немецких певцов", да еще оркестр "Филармония-Германия" под управлением Густава Гене.

Очень скоро каскад развлекательных заведений Алексеевых в Казенном саду сделался излюбленным местом гуляний одесского общества — этнически пестрого, рельефного, разночинного. Ассортимент предлагаемых услуг в сфере обслуживания был практически всеобъемлющ: кафе-ресторан со всеми атрибутами — для аристократов, негоциантов и золотой молодежи, городок развлечений с трактиром, пивной, аттракционами и проч. — для разночинцев, в том числе — детей. Оживленные гулянья, разумеется, имели и негативную сторону. Несмотря на то, что за состоянием зеленых насаждений осуществлялся казенный надзор, газоны местами вытаптывались, а не в меру разгулявшиеся буяны травмировали деревья и кустарники.

Все это дало повод сыну дарителя, М.Ф. де Рибасу, выступить в прессе с критическим материалом относительно состояния Городского сада (конец 1871 года). Де Рибас напоминает историю обустройства и дарения сада, говорит о "духе разрушения", ругает "длинное безобразное здание под трактирное заведение" купца Алексеева", то есть бывший салон Х. Фендерих. "При этом, — продолжает он, — отдали содержателю и часть сада, которая огорожена решеткою, за которую простые, но порядочные люди, не пьющие по вечерам у Алексеева чаю, не допускаются". Отмечает "вторжение" бывшего дома Вагнера на территорию сада. Впрочем, негодо-

вание и ностальгические эмоции (чтоб не говорить о старческом брюзжании) де Рибаса касаются далеко не одного Казенного сада, а увядания города вообще: Ботанического и Дюковского садов, Внешнего бульвара, Левшинских плантаций на Пересыпи, разрушении мостовых и т. д.

Еще прежде М.Ф. де Рибаса о стесненном положении Городского сада сообщается в издании "Одесская старина", увидевшего свет на исходе 1869 года. "Сад с домом, где теперь производится продажа минеральных вод, — пишет составитель, — принадлежал некогда Ф. де Рибасу, родному брату адмирала, и им уступлен городу. Ришелье, страстный любитель садов, посадил здесь каштаны и другие тенистые деревья, установил солнечные часы, и сад представлял в свое время приятное убежище от солнечных лучей. С застройкой же вокруг него домов: Променной конторы, разных частных лиц, помещения Общества сельского хозяйства Южной России, основанного в 1828 г., гостиницы Вагнера и ресторана купца Алексеева, — сад значительно стеснился, запустился и почти утратил прямое свое назначение. Недостаточным жителям среди часто тропических жаров некуда голову приклонить. Новая посадка деревьев и перекопка земли произведена в 1847 г. Наружная железная решетка от несмотрителем заведовавших садом в свое время значительно попорчена".

Изложенное мнение весьма необъективно. Во-первых, территория Городского сада, как мы видели, не только не сократилась со времени дарения, а напротив, значительно расширилась. Гостиница Вагнера занимала место прежнего театра князя Гагарина, территориально никогда в состав Дерibasовского сада не входившего. То же касается и ряда других казенных и частных зданий, существовавших в тот период и возведенных или капитально перестроенных несколько позже — например, домов Бродского (№ 6), Новикова (№ 4), Порро (№ 10), расположенных по красной линии нечетной стороны Гаванной и углового дома Исаковича, числящегося по Дерibasовской. Дом Хлопонина по Преображенской, № 32, как уже упоминалось, построен на рубеже 1870-1871 гг. на месте второго дома де Рибаса, примыкавшего к первому на углу Преображенской. На месте старых строений возведен в 1860 году и дом Григоровича по улице Преображенской, № 30. Все эти здания находились и находятся вне пределов четырех участков, подаренных Феликсом де Рибасом городу, и ни в коем случае не "наезжали" на сад. Так что претензии его сына по этому поводу более чем странны.

Что до неимущих, о которых пишет Михаил Феликсович, то в их распоряжении оставался почти весь сад, а за отдельную плату входили лишь

в его арендуемое отделение. Солнечные часы не представляли собой ничего особо примечательного и, кроме того, взамен этих на даче Ланжерон установили другие — на "каменном пьедестале". А вот относительно состояния оградительной решетки, устроенной еще при Ришелье, то она и в самом деле обветшала (впоследствии ее неоднократно подправляли, но в годы лихолетья и бесконечной смены властей она обветшала основательно и позже была окончательно демонтирована). Ограда окаймляла сад по Гаванной, Дерибасовской и Преображенской, причем с каждой из этих улиц имелись входные калитки. Но платы за вход не полагалось.

Едва ли можно определить состояние сада как "стесненное, запущенное и почти утратившее свое прямое назначение", если обратиться к свидетельствам многих современников. Скажем, литератор М. Чистяков, побывавший в Одессе уже после ликвидации порто-франко, пишет: "Место общественных гуляний, кроме бульвара, городской сад на Рибасовой улице; деревья в нем прекрасные, развесистые, но на беду, по причине редких дождей, покрыты густым слоем пыли; сюда преимущественно собираются няньки с детьми всех возрастов; дети наслаждаются даже пыльной зеленью, бегают и веселятся, как ни в чем не бывало". Что ж, до устройства водопровода "умывание деревьев" было, прямо скажем, непозволительной роскошью.

Рассказав о здании Общества искусственных минеральных вод, Чистяков обращает пристальное внимание на заведение нашего Афанасия Федотыча (правда, порой путая "Европу-1" с "Европой-2", то есть бывшим домом Репниных на Садовой улице): "Самое любимое гулянье лучшего, высшего, то есть богатого общества — Алексеевский сад; он действительно хорошо устроен; в нем зелени и цветов множество, каждый вечер музыка. Сюда собираются выпить чашку чаю, съесть порцию мороженого, поговорить со знакомыми и выкурить, между бездельем, а иногда и между делом, сигару (...). По временам в саду бывает иллюминация, два оркестра и фейерверк; в такие дни приток посетителей до того значителен, что в саду теснота". Если заявленную "стесненность" понимать в данном контексте, то тогда все понятно и справедливо.

Но вернемся к прежним персонажам нашего повествования. 8 июня 1873 года А.Ф. Алексеев ушел из жизни. 10 июня его отпевали в Спасо-Преображенском кафедральном соборе и похоронили на старом христианском кладбище. "Полагаем, почти все одесситы знали покойного, который пользовался значительной популярностью как предприниматель различных общественных развлечений и увеселений, так что в свое время

играл роль одесского Излера, — сообщалось в некрологе, — только в последнее время, вероятно, вследствие старости, покойный уступил это место новому, более молодому предпринимателю, г-ну Суру (Сур, скажем, открыл народный театр — огромный деревянный балаган, одновременно служивший цирком, — в начале Александровского проспекта, против дома Ансельма. — **О. Г.**). Во всяком случае, Одесса потеряла русского гражданина, который оставляет по себе добрую память своею долгою, неутомимою деятельностью на поприще хотя и скромном, но захватившем потребности обширных и разнообразных кругов одесского населения".

Дело отца успешно продолжил Семен Афанасьевич Алексеев, бесконечно совершенствовавший городок развлечений в Казенном саду. Для заведования рестораном он пригласил опытного специалиста В.И. Богуша. В 1874 году Алексеев также привлек к сотрудничеству выдающегося одесского музыканта А.В. Банкевича, оркестр под управлением которого пользовался столь огромной популярностью, что "отделение Городского сада" не могло вместить всех желающих меломанов. "Содержатель ресторана в городском саду г-н Алексеев, — сообщает местная газета весной 1874-го, — во избежание толкотни на площадке, где играет музыка и помещается ресторан, предполагает взимать в текущем году плату за право входить на эту площадку — по 10 копеек серебром с человека, с предоставлением права воспользоваться стаканом чаю или кружкой пива".

В том же сезоне он выписал из Европы знаменитую комическую вокалистку г-жу Ризотт, которой предписывалось "увеселять публику во время антрактов оркестра в кафе-ресторане". В это время у Алексеева появились конкуренты: "На углу Ланжероновской и Гаванной улиц, напротив городского сада, — читаем в "Одесском вестнике", — недавно устроен и открыт для публики садик, в котором помещается несколько красивых столиков и несколько беседок; кроме разных напитков и закусок, там можно иметь каждый день по утрам и вечерам свежее молоко". Между прочим, это то самое место, которое занимает ныне популярный ресторан "Куманец".

И снова у Алексеева неприятности. На этот раз в связи с "нарушением режима". Дело в том, что существовал строгий регламент функционирования трактирных заведений: скажем, ограничивались не только часы продажи питей, но и вообще работы того или иного предприятия общепита. Ресторанам первоклассных гостиниц разрешалось действовать до 1 часу ночи, ресторанам близ театров — до 12 часов ночи, а всем остальным — до 11 часов вечера. Летом того же года Алексеева оштрафовали на 50 рублей за то, что "его павильон в Городском саду был открыт до 2 часов ночи".

Поздняя торговля, в особенности летом, была обычным делом, тем паче в таком популярном заведении.

Как ни ругали Алексеева за "дух разрушения", однако именно он впервые и всерьез занимался благоустройством Городского сада в частном порядке. Довольно щекотливая тема общественных туалетов всегда остро стояла в Одессе на повестке дня. Тем более что город был одним из самых рискованных мест в эпидемиологическом отношении. До устройства днестровского водовода проблема канализации вообще оставалась практически неразрешимой. Бесчинства парашников сделались притчей во языцех. Так вот в начале летнего сезона 1876 года в прессе появилось следующее сообщение: "Купец Алексеев внес в городскую управу 200 рублей на улучшение и исправление ретиранных мест в Городском саду. Исправления сделаны, и одно отделение содержится теперь в совершенной чистоте и опрятности особою прислугою, которой предоставлено получать по 2 копейки с особы". Другими словами, С.А. Алексеев устроил в саду первый в Одессе платный туалет!

В том же году Алексеева, да и всю Одессу, потрясла безвременная кончина А.В. Банкевича, последовавшая на 34-м году жизни. "В ночь с 2 на 3 марта, — говорится в некрологе, — скончался известный и любимый нашей публикой дирижер оркестра и артист Анатолий Викентьевич Банкевич. Он умер от горловой чахотки, появившейся у него еще прошлой осенью вследствие простуды. Сад г-на Алексеева понес чувствительную потерю в лице этого даровитого музыканта". В апреле в саду начались выступления нового инструментального оркестра, под управлением немецкого музыканта Иоганна Фридмана (в некоторых первоисточниках его называют Фидманом). Кроме того, в Городском саду периодически играл духовой военный оркестр под управлением Александра Бернарди. Еще при жизни А.Ф. Алексеева (начало 1870-х) в его зале при Городском саду состоялись первые в Одессе состязания по шахматам, которые продолжались там же и в последующие годы, но эта отдельная большая тема.

В 1880-х годах преемником Алексеевых в "отделении Городского сада" стал известный одесский пивовар немецкого происхождения Фридрих Энни, завод которого располагался на Молдаванке, на Бугаевской улице. Светлое пиво "ОРИЕНТ-ЭКСПОРТ-БИР" от Энни пользовалось высоким спросом даже за рубежом. Заводчик известен своею "рекламною щедростью": скажем, на разговение бедных в светлый праздник Воскресения он как-то выставил три бочки, 10 ведер и 500 бутылок лучшего пива. Выступая арендатором отделения Городского сада, он расширил устроенный

Алексеевыми пивной зал, постоянно обновляя его ассортимент. "Летний отдел" сада открывался с 1 мая. Здесь регулярно выступали гастролеры-знаменитости, играл духовой оркестр саперной бригады под управлением капельмейстера и композитора А. Бондаренко. Плата за вход в отделение в обычные дни составляла 20 копеек, цена за эксклюзивный нумерованный столик возле павильона — 1 рубль 50 копеек, а на вечера симфонической музыки — соответственно 40 коп. и 3 руб.

Есть возможность довольно основательно ознакомиться с репертуаром оркестров, выступавших в это время на подмостках отделения Городского сада: "Полонез времен Императрицы Екатерины II, "Гром победы раздавайся"; вальс "Тысяча и одна ночь" Штрауса; увертюра из оперетки "Легкая кавалерия" Зуппе; попури из оперы "Трубадур" Верди; попури из оперетки "Птичка певчая" Лекока; увертюра из оперы "Вильгельм Телль" Россини; попури из оперы "Фауст" Гуно; попури "Путешествие по Европе" Шуберта; "Кавказский марш"; вальс "Лунная ночь" Болло; кадрили из оперных мотивов, Бондаренко; полька "Любимец" Фауста; вальс из молдавских мотивов; полька "Роскошная"; попури из оперы "Тангейзер" Вагнера; попури из оперетки "Аршидюк" Оффенбаха; попури из малороссийских мотивов, Бондаренко; галоп "Курьерский поезд" Бадера; марш "La Stella Confidenta" Глинки, вальс "Только для тебя" Вальдштейнер; попури из оперы "Гугеноты" Мейербера; попури из "Славянских мотивов" Бондаренко; попури из оперетки "Боккачио" Лекока; попури из оперы "Жизнь за царя" Глинки; попури из оперы "Перикола" Лекока; попури из оперы "Риголетто" Верди; "Благородное собрание" Ар. Бондаренко; попури из оперы "Сомнамбула" Беллини; попури из оперы "Руслан и Людмила" Глинки; вальс "Волны Дуная" Ивановича; попури из оперы "Аскольдова могила" Верстовского" и др.

Весьма примечательна фигура управляющего расположенным в саду "первоклассным рестораном". Это не кто иной как знаменитый Карл Брунс, впоследствии содержатель легендарной "харчевни" во дворе дома Вагнера (обычно числится по Екатерининской, № 14), воспетый многими выдающимися писателями и поэтами — как одесситами, так и гостями города. Уточное время "комплексных обедов", включавших три, четыре или пять блюд на выбор и чашки кофе (соответственно 50, 75 копеек и 1 рубль), простиралось от 13 до 18 часов. После 18 часов заказы исполнялись индивидуально. Из раскладки городского акциза видно, что если в 1886-1887 году кафе-ресторан Брунса был третьим после Фанкони и Робина (соответственно 1000, 600 и 400 рублей акциза), то в 1888-м он вы-

шел уже на второе место, обойдя Робина (3000, 2000 и 1000). Предприятие Брунса по оборотам соответствовало буфету на Николаевском бульваре, вдвое опережая таких, например, монстров, как буфеты при Английском клубе (1000 руб.) и обществе "Беседа" (900 руб.).

Как и у Алексеева, у Энни возникало немало проблем в связи с различными обстоятельствами эксплуатации арендуемого отделения Городского сада. Прежде всего, надо было энергично решать вопрос освещения. Энни решил использовать новомодное электричество, для устройства которого на третьем году аренды отделения (1887) купил современный зарубежный "10-сильный локомобиль". Даже в кафе "Фанкони" и других элитарных заведениях электричество ввели позднее! Но возможность установки этого устройства в саду, согласно тогдашним правилам, определяла уже не Дума, а градоначальник, и тут пришлось напрячься, чтобы получить соответствующую санкцию.

Очень много нареканий публики вызывало то обстоятельство, что в "садишке Энни" существовал своеобразный порядок расчета за яства: за пиво надо было рассчитываться отдельно. Почему? Да потому, что оно поступало напрямиком с завода, по заводской цене, то есть дешевле обычного. По мысли заводчика, это должно было привлекать посетителей и служить дополнительной рекламой. За кушанья и вино рассчитывались с официантами, а за пиво — со специально назначенными для этого мальчишками-половыми. Вот тут-то и являлись мотивы для дополнительных пререканий. "Если случится, — сетует в газете очередной обиженный клиент, — что лакей подаст пиво, а мальчик получит за оное деньги, то немудрено, что лакей будет настаивать на вторичной плате..." Посетителей раздражали и бесплатные резервные столики, каковые представитель Энни, Фишер, придерживал "для своих". Не вызвала у них особого восторга и манера этого администратора объясняться с прислугой, а то и с публикой, нарочито по-немецки.

То было время процветания кафе-шантанов. Они существовали как сами по себе, так и при клубах, например, при Благородном собрании. Один из лучших шантанов устроил в своем садишке Энни. Взамен пышногрудым тирольским "арфянкам" сюда пришли популярные европейские "каскадные певицы", изрядно дрыгающие ногами, разного города "комические куплетисты" и проч. Излюбленным жанром становится музыкальный дивертисмент. Бдительно следившие за общественной моралью и никогда не переводящиеся "общественники" надавили на власти и, как сообщают давние СМИ, последовал "неприятный сюрприз для кафешантан-

ных завсегдатаев": ликвидировали ложи, примыкающие непосредственно к подмосткам, откуда беззубые и подслеповатые старички и "КОКОДЕСЫ", и сластолюбцы любовались разными дивами в трико и безобразничали. Это обстоятельство временно подрывало шантанный бизнес.

Кроме того, к огорчению торгового дома Енни, как раз тогда же ввели налог на билеты за посещение арендуемого им отделения Городского сада. Предприниматель ходатайствовал об освобождении от этого налога, вводимого с 1 июля 1887 года, мотивируя тем, что, во-первых, срок аренды истекает в текущем году, во-вторых, в предыдущие три года арендаторы понесли серьезные убытки, а в-третьих, они стеснены жесткими условиями, заключенными с ресторатором и оркестром. В ходатайстве было отказано, ибо для его удовлетворения пришлось бы нарушить существующее законодательство. Как видно из данных следующих лет, несмотря на задекларированные убытки и потери, Енни пролонгировал срок аренды. По правде сказать, в виде налога с билетов за вход в арендуемое им отделение Городского сада казенный бюджет получал ничтожные суммы. Так, за весь летний сезон 1889 года она составила лишь 99 рублей 50 копеек. Немного больше давали и другие подобные учреждения, скажем, садик, арендуемый пивоваренным заводом Людвиг Дурьяна, — 148 рублей 50 копеек.

В эти годы "директором отделения Городского сада" служил видный организатор кафешантанного дела, популярный, пожалуй, скандально М.А. Сокаллы. Когда одесситы узнали, что степенное нижегородское купечество добилось полной ликвидации "развращающих увеселительных заведений" с разного рода сомнительными певичками и "арфянками", один из рифмачей-острословов отреагировал в прессе весьма оригинально:

"Хайки, Ривки, Гапки, Марфы

Заберут свои манатки

И, схватив подмышки арфы,

Улизнут во все лопатки...

Ну, а если б одесситы

Увлеклись примером оным,

Что б запел тогда, скажите,

Сокаллы в саду казенном?.."

В то время как многие его коллеги по развлекательному бизнесу регулярно и дочиста прогорали, Сокаллы ухитрялся вести дела настолько успешно и прибыльно, что даже позволял себе заниматься благотворительностью. Это обстоятельство дало повод другому остроумцу разразиться эпиграммой:

"Ржечицкий вылетел в трубу,
Кизовский тоже профинтился,
Но крепче каменной скалы
Стоит лукавый Сокаллы".

Подводя итоги "развлекательного использования" Городского сада в позапрошлом столетии, отметим неоднозначное отношение к этому одесситов — было много "за", много "против", но так или иначе, а сад неизменно оставался местом общественных гуляний. Несмотря на едкие, обидчивые замечания внука дарителя, А.М. де Рибаса, большинство современников не разделяли его негативного отношения к общей картине Дерibasовского сада. Сад получил это название 21 августа 1894 года на торжественном заседании Городской думы в канун 100-летия Одессы (вопрос о подобной номинации поднимался еще в 1889-м, к столетию взятия штурмом Хаджибея). В том, что саду присвоено имя не дарителя Феликса, а его брата Иосифа, основателя города, нет ничего курьезного. При номинации учитывалось не только то обстоятельство, что первые деревья братья высаживали вместе, но и то, вероятно, что старший де Рибас был первым его владельцем или, по крайней мере, распорядителем. И, кстати, людям, не посвященным в тонкости дела, вообще неизвестно, о каком именно де Рибасе идет речь: улица и на ней одноименный сад — вполне логично, да и только.

О том, что собой представлял Дерibasовский (городской) сад на рубеже XIX-XX веков и в начале XX, можно узнать из современных путеводителей. "Сад содержится очень опрятно, — сообщается в издании известного книжного магазина Е.П. Распопова, — в нем довольно много зелени, цветников и большой красивый фонтан. В глубине сада помещается здание Общества сельского хозяйства, против которого стоит небольшой памятник, мраморный бюст Скаржинскому с надписью: "Виктору Петровичу Скаржинскому, разведшему в знойных степях Херсонской губернии 400 десятин лесу хвойных и лиственных пород". В саду имеются павильоны для продажи винограда, кумыса, кефира и мороженого". Характерно, что реализацией кефира занималось то самое изгнанное в свое время из Дерibasовского сада Общество искусственных минеральных вод — в собственном киоске. Здесь же стоял павильон "Кумысного заведения Дубского и Компании". Молоко в разное время продавали известные одесские производства Чичкина, Малаховской и др. Кроме того, в саду базировалась "Американская фотография" Л. Яворовского.

Следующее свидетельство — от автора и издателя целой серии популярных российских путеводителей Григория Москвича (1911): "Несколько лет тому назад сад подвергся коренной реорганизации и новой распланировке, благодаря чему приобрел очень благообразный вид, лаская глаз красивыми цветниками, вазонами, вьющимися растениями. Содержится сад превосходно и освещается электричеством. Среди сада — очень красивый фонтан-грот в виде скалы. Сад привлекает множество детворы и представляет собой оживленную, пеструю и интересную картину".

Несколько пояснительных слов об упомянутом фонтане. Фонтаны, естественно, стали открывать после устройства ветки днестровского водовода. Первые более-менее оформленные "водобой" появились в 1874-м — на Соборной ("первая редакция" этого фонтана относится к пуску водопровода в 1873-м) и Тираспольской площадях, в Пале-Рояле, затем на Екатерининской площади и др. В 1875-1876 годах все существовавшие фонтаны расширили, дабы "не разбрызгивалась грязь". Весной 1876-го к небольшому фонтану Казенного сада стали подвозить камень — для увеличения бассейна и дальнейшего сооружения грота. Фонтан-грот из ноздреватого необработанного известняка, так называемого "дикаря", с экзотическими арками, отлично различим на ряде дореволюционных открыток, гравюр, литографий. Говорят, что заменивший его нынешний фонтан перенесли в Городской сад с Екатерининской площади перед установкой памятника Екатерине и ее фаворитам, причастным к основанию Одессы. Сравнение старых иллюстраций не позволяет надежно подкрепить это мнение: там были три разновеликие чаши, здесь две, да и соединительные "колонны" иной формы. Так или иначе, а на фотографиях 1920-х фигурирует уже теперешний фонтан.

А кто такой этот Скаржинский, удостоившийся мраморного бюста в самом сердце старой Одессы? Его отец, полковник П.М. Скаржинский, был ранен в грудь в суворовском сражении на Кинбурнской косе в октябре 1778 года. Когда раненого доставили в лазарет, он узнал от прибывшего из имения казака о рождении сына, какового и нарек Виктором, в честь победы российского оружия. В 1812-м уже сам Виктор Петрович Скаржинский набрал ополченцев-крестьян, полностью снабдил их оружием и амуницией (для них был учрежден особый форменный мундир), пригласил несколько наставников из солдат-ветеранов, и таким образом сформировался эскадрон в 188 сабель. Отряд Скаржинского, действовавший в авангарде Южной армии, достойно проявил себя в баталиях: командир и подчиненные удостоились высоких наград.

А далее, в течение сорока лет, В.П. Скаржинский упорно занимался лесоразведением в неблагоприятных условиях степной зоны Южной Украины. Ему удалось, казалось бы, невозможное: он вырастил здесь 400 гектаров леса, устроил 36 прудов, и по сию пору считается основоположником степного лесоразведения на Украине. Именно он первым предложил систему взаимно перпендикулярных лесных полос, окаймляющих пахотные земли, высадку леса по оврагам и балкам с одновременным устройством запруд и т. д. Будучи одним из самых деятельных и успешных сотрудников Общества сельского хозяйства, он и был увековечен в мраморе перед принадлежавшим Обществу зданием.

Открытие бюста В.П. Скаржинскому состоялось 16 июня 1872 года на основании отзыва новороссийского генерал-губернатора и бессарабского наместника графа П.Е. Коцебу от 13 марта того же года за № 1592, из которого видно, что по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел было получено высочайшее соизволение государя императора об удовлетворении соответствующего ходатайства Императорского общества сельского хозяйства Южной России. В торжественной церемонии открытия принимали участие епархиальный архиерей и первые лица Одессы. Затем состоялся прием в зале Общества, а вечером — обед в роскошной ресторации "Hôtel du Nord".

Мы видим этот изящный памятник на старой почтовой открытке (1902). Вероятно, радикалы "смутного времени" причислили Скаржинского к сатрапам, и бюст давным-давно куда-то подевался. В тылу памятника виден небольшой одноэтажный корпус Общества. Строение это тоже не сохранилось. И ныне его, как и другое принадлежавшее аграриям здание, возможно, представляют: стена, отделяющая "Летний театр" от одного из университетских корпусов по Малому (Маяковского) переулку, № 7, и некие "лабазы", примыкающие к подмосткам самого театра. Недавно мы осматривали эти живописные руины вместе с известным краеведом Ростиславом Александровым. На первом плане упомянутой открытки — та самая трогательно беззаботная детвора, о которой толкуют М. Чистяков, Г. Москвич и другие мемуаристы. Беззаботность сия, впрочем, продолжалась недолго...

В справочнике "Вся Одессина" на 1928 год читаем: "Сад Лассаля (бывший Дерибасовский городской сад). Разрушен в 1920 году, восстановлен полностью. Его украшают две медные фигуры: льва и львицы; действует фонтан со светящимся разбрызгивателем (летом). Посажены цветники, 16 хвойных и 75 лиственных деревьев". Что касается скульптур

"Лев" и "Львица" работы А. Сайна, то они были перенесены сюда в том же 1928 году с дачи Г.Г. Маразли на Французском бульваре.

На сегодняшний день территория сдававшегося в аренду предпринимателям бывшего "отделения Городского сада" практически ограничена параметрами "Летнего театра". В свою очередь, этот театр сформировался на подмостках предшествующего кафе-шантана в 1920-х годах — как ЛЕТНИЙ ТЕАТР ОДЕССКОЙ ФИЛАРМОНИИ (этот летний сад-театр упоминается в справочнике "Вся Одесщина" на 1926 год). Перечень всех тех, кто выступал на этой площадке, начиная с 1926 года, занял бы сколько-то печатных листов, а потому воздержимся. Можно сказать, пожалуй, лишь то, что эта сцена отличалась тем же разнообразием жанров, что и рампа Зеленого театра в парке имени Т.Г. Шевченко. И теперь здесь порой наблюдается чересполосица попсы, рока, репа, а поблизости, в беседке (сооруженной, судя по всему, в период оккупации), как и во времена Алексева, Энни, Брунса, Сокаллы, звучит духовой оркестр, нередко исполняющий классические произведения.

Занимательно, что в начале 1950-х на территории Летнего театра Одесской государственной филармонии впервые в СССР был осуществлен знаменитый аттракцион "Шар смелости". Одесситы старшего поколения помнят этот металлический сетчатый шар, по которому сновали на мотоциклах, совершая "мертвую петлю", выдающиеся, поистине легендарные гонщики-конструкторы П. Голенищев, П. Гребенюк, Ф. Шахматов. "Шар смелости" его создатели-одесситы подарили "трудящимся города Москвы". На смену открытому непогоде "шару" впоследствии пришли так называемые "бочки", устраиваемые в закрытых шапито. Одна из таких "бочек" много лет забавляла провинциалов на Привозе.

В последнее время наступление развлекательных заведений на Городской сад достигло своего апогея. "Тениальным", иначе никак не назвать недавнее перемещение некоторых ресторанчиков с асфальта Дерибасовской на садовые газоны. Никто не говорит о том, чтобы превратить зеленый пятячок, уютный уголок отдыха в самом центре города во второй ботанический сад — это не только не рационально, но просто невозможно. Разумеется, Дерибасовский сад должен оставаться городком развлечений, с одной, впрочем, оговоркой: газоны, клумбы, аллеи, зеленые насаждения необходимо оставить в абсолютной неприкосновенности при надлежащем уходе. Установка огромных рекламных щитов (бигбордов) и даже памятников или мемориальных знаков, отнимающих пусть хотя бы и квадратные сантиметры "живой, дышащей земли", должна быть категорически недопустима.

Простой пример рационального размещения рекламы в старом Казенном саду: на самом верху примыкающих к нему зданий до революции и помещали масштабные рекламные плакаты. Это хорошо видно на ряде старых почтовых открыток. Так, на нескольких ракурсах садовой аллеи со стороны Гаванной улицы под крышей одного из домов прекрасно различим колоссальный транспарант крупной страховой компании "Урбэн" (ее офис помещался в доме № 6). На снимке, сделанном в начале прошлого столетия из окна гостиницы "Пассаж", наблюдаются небольшие рекламные плакаты на ограде Городского сада при входе со стороны Дерibasовской улицы.

На мой взгляд, на сегодняшний день необходимо, прежде всего, освободить газоны, оккупированные ресторанами либо их террасами и верандами, примыкающими к Летнему театру со стороны аллеи, соединяющей Преображенскую и Гаванную улицы. Заведений, издавна помещавшихся на асфальте (скажем, функционирующего еще с довоенных времен летнего павильона ресторана "Кавказ", который уже сам по себе реликвия), это, понятно, не касается.

Возможно, стоило бы обратиться к ретроспективному опыту функционирования "отделения Городского сада". Скажем, бывший летний театр филармонии вполне мог стать обособленным пассажем сувениров и художественных произведений, увеселительных заведений, аттракционов на правах аренды, и тем самым решить все возникшие на сегодняшний день острые проблемы. Однако театр этот, как оказалось, продан. Пусть так, но почему бы не предложить новому владельцу — раз уж так вышло, — сделать то же самое? Думаю, он не останется внакладе, да и горожане выгадают.

В целом вопрос о рациональном использовании и содержании принадлежащего всем горожанам мемориального зеленого массива, локальной "зоны отдохновения", кардинального решения относительно его статуса и соответствующей плановой реконструкции как никогда уместен в дни 200-летия фактического основания Городского сада Одессы (1806-2006).

